УСТУПКА ЛИТВИНОВА (LITVINOV ASSIGNMENT): ФАТА-МОРГАНА РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

СОЛОВЬЕВА Алена Викторовна, соискатель кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Россия, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76
E-mail: helena.soloveva@gmail.com

Рассматривается проблема периодизации истории международного инвестиционного права в российской и американской доктринах. Дано представление об особенностях развития советско-американских отношений после Октябрьской революции 1917 г. в России. Анализируется влияние уступки Литвинова (Litvinov Assignment) на формирование основных стандартов защиты прав иностранных инвесторов.

Цель исследования — восстановить доктринальную справедливость и обеспечить надлежащее аналитическое оформление рассматриваемых событий. Достижение этой цели связано с исследованием историко-правовых аспектов появления и развития ключевых принципов и стандартов защиты иностранных инвестиций. Впервые в отечественной юридической науке на значительном фактическом, нормативном и теоретическом материале высказан и обоснован в качестве авторской концепции сам факт влияния уступки Литвинова на развитие международного инвестиционного права.

Использованы различные методы исследования: диалектико-материалистической философии, системного анализа, сравнительно-правовой, историко-правовой и др.

Сформулирован вывод о принципиальном значении первых декретов советской власти о национализации как важнейшем источнике международного инвестиционного права и о программе национализации, которая привела к появлению новых межгосударственных отношений. Появились новые подходы к правовому регулированию экспроприации, а уступка Литвинова заложила базовый принцип компенсации за насильственную экспроприацию собственности иностранного инвестора.

Ключевые слова: международное инвестиционное право, советско-американские отношения, уступка Литвинова (Litvinov Assignment).

Для цитирования: Соловьева А. В. Уступка Литвинова (Litvinov Assignment): фата-моргана российской доктрины международного инвестиционного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 129—147. DOI: 10.12737/jflcl.2020.006

LITVINOV ASSIGNMENT: A FATA MORGANA IN RUSSIAN DOCTRINE OF INTERNATIONAL INVESTMENT LAW

A. V. SOLOVYEV, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow 119454, Russian Federation
E-mail: helena.soloveva@gmail.com

The article deals with the problem of periodization of the history of international investment law in the Russian and American doctrines. The author gives an idea of the peculiarities of the development of Soviet-American relations after the October Revolution of 1917 in Russia. The article analyzes the impact of Litvinov Assignment on the formation of basic standards for the protection of foreign investors rights.

The purpose of the study is to restore doctrinal justice and ensure proper analytical registration of the considered events. The achievement of this goal is connected with the study of historical and legal aspects of the emergence and development of key principles and standards for the protection of foreign investment. For the first time in Russian legal science, the fact of the influence of Litvinov Assignment on the development of international investment law is expressed and justified as an author's concept on a significant factual, normative and theoretical material.

A wide range of different research methods is used: dialectical-materialistic philosophy, system analysis as General methods of scientific knowledge. In the process of research, general scientific and special legal methods were used: comparative legal, historical and legal.

The conclusion is formulated about the fundamental importance of the first decrees of the Soviet regime on nationalization as the most important source of international investment law and the program of nationalization, which led to the emergence of new interstate relations. New approaches to legal regulation of expropriation appeared, and Litvinov Assignment laid the basic principle of compensation for the forcible expropriation of the property of a foreign investor.

Keywords: international investment law, Soviet-American relations, Litvinov Assignment.

For citation: Solovyeva A. V. Litvinov Assignment: A Fata Morgana in Russian Doctrine of International Investment Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 1, pp. 129—147. DOI: 10.12737/jflcl.2020.006 (In Russ.)

Международное инвестиционное право (МИП) — это далеко не молодое правовое образование, во многом в силу различного происхождения международно-правовых норм, регулирующих иностранные инвестиции¹. Проявившийся научный и практический интерес к проблеме датируется не ранее второй половины XX в.² как реакция на необратимый процесс глобализации, укрепление взаимосвязей между рынками, свободное движение людей, товаров, услуг и капитала. Между тем если увеличить хронологическую дистанцию, то историческое исследование открывает гораздо более сложную и комплексную картину³, поскольку речь идет даже не о десятилетиях, а о столетиях развития того, что мы называем сегодня МИП⁴.

Достаточно сложно представить теоретика права без знания истории права, равно как и историка права без знания теории права⁵. Важно отметить, что эволюция МИП направляется «государствами посредством международно-правового согласования суверенной воли и отчасти профессиональным юридическим сообществом в лице арбитров, адвокатов, ученых»⁶. Немаловажное значение имеют и публичные позиции, и односторонние акты принимающих инвестиции государств⁷. В связи с этим специалисты в области МИП неизбежно сталкиваются с его «неразделимостью от социополитического контекста»⁸, поэтому принцип историзма необходим для

понимания особенностей функционирования общественных институтов, которые вносят свой вклад в развитие МИП.

История советско-американских экономических отношений в 1930-х гг. весьма неполно отражена в научных публикациях, посвященных МИП. Однако события, связанные с подготовкой по инициативе президента Рузвельта предложения советскому руководству вступить в переговоры о восстановлении дипломатических отношений, давно и обстоятельно проанализированы и описаны в трудах российских и зарубежных исследователей. Среди отечественных авторов можно отметить, в частности, работы А. В. Вахрамеева, В. Л. Малькова, Л. М. Млечина, М. М. Наринского, Г. Н. Севостьянова, З. С. Шейниса, В. П. Якубовского⁹. В отечественной литературе мало обращалось внимания на изучение правовой концепции уступки Литвинова¹⁰ (Litvinov Assignment)¹¹, ее юридических последствий для обоих государств. Однако пробелы в отечественной доктрине могут быть восполнены за счет аналитического наследия представителей американской доктрины, например Э. Беннета, Д. Бишопа, Ф. Джессопа, У. Додда, А. Нуссбаума¹² и др. Особую роль играют также но-

¹ Подробнее об истории возникновения и развития международного инвестиционного права см., например: *Douglas Z., Pauwelyn J., Viñuales J.* The Foundations of International Investment Law. Bringing theory into practice. Oxford, 2015; *Coyle J. F.* The Treaty of Friendship, Commerce and Navigation in the Modern Era // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2013. Vol. 51. No. 2; *Bishop R. D., Crawford J., Reisman W. M.* (eds.). Foreign Investment Disputes: Cases, Materials and Commentary. 2nd ed. Hague, 2005; *Grotius H.* The Freedom of the Seas (1608) Carnegie Endowment for International Peace / *J. B. Scott* (ed.). Oxford, 1916; *Vattel E. de.* The Law of Nations or Principles of Natural Law. Book 2. Chapter 8. London, 1797.

² См.: *Schill S. W.* W(h)ither Fragmentation? On the Literature and Sociology of International Investment Law // *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 22. Iss. 3. P. 875—908.

³ См.: *Miles K.* The Origins of International Investment Law: Empire, Environment, and the Safeguarding of Capital. Cambridge, 2013. P. 19.

⁴ О возможности существования инвестиций в Древнем Египте и Средиземноморских империях см.: *Bishop R. D., Crawford J., Reisman W. M.* (eds.) Op. cit.

⁵ См.: *Kammerhofer J.* The Challenges of History in International Investment Law: A View From Legal Theory / *S. W. Schill, C. J. Tams, R. Hofmann* (eds.). Frankfurt, 2018. P. 164.

⁶ *Лабин Д. К., Соловьева А. В.* О месте международного инвестиционного права в системе международного права // *Московский журнал международного права*. 2017. № 3. С. 43.

⁷ См.: *Douglas Z., Pauwelyn J., Viñuales J.* Op. cit. P. 13.

⁸ *Miles K.* Op. cit. P. 1.

⁹ См.: *Вахрамеев А. В.* Очерки истории советской внешней политики (1917—1991 гг.). М., 2007; *Мальков В.* Рузвельт — Литвинов. Две встречи в Белом доме с интервалом в восемь лет // *Россия XXI*. 2013. № 5. (Актуальный архив); *Млечин Л. М.* Министры иностранных дел. 1917—1949. Гл. 3. СПб., 2016; *Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М.* Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком // *Известные дипломаты России: Министры иностранных дел — XX век* / отв. ред. *А. В. Торкунов*; сост. *А. В. Ревякин*. М., 2007; *Севостьянов Г. Н.* Москва — Вашингтон. На пути к признанию. 1918—1933. М., 2004; *Шейнис З. С.* Первые шаги дипломатической деятельности М. М. Литвинова // *Новая и новейшая история*. 1988. № 1; *Якубовский В. П.* Воспоминания дипломата: [о дипломатической деятельности М. М. Литвинова] // *Международная жизнь*. 1992. № 11/12.

¹⁰ Максим Максимович Литвинов (1876—1951) — советский дипломат и государственный деятель, народный комиссар по иностранным делам СССР (1930—1939 гг.).

¹¹ В некоторых источниках Litvinoff Assignment (assignment — уступка права, пер. с англ.). Термин взят из американской доктрины. См.: *Jessup Ph. C.* The Litvinov Assignment and the Pink Case // *American Journal of International Law*. 1942. Vol. 36. No. 2; *Jessup Ph. C.* The Litvinov Assignment and the Belmont Case // *American Journal of International Law*. 1937. Vol. 36. No. 3.

¹² См.: *Bennett E. M.* Recognition of Russia: An American Foreign Policy Dilemma. Waltham, 1970; *Bishop D.* The Roosevelt—Litvinov Agreement: The American View. Syracuse, 1965; *Jessup Ph. C.* Op. cit.; *Dodd W.* International Relations and the Treaty Power // *ABA Journal*. 1944. Vol. 30. No. 6; *Nussbaum A.* Arbitration between the Lena Goldfields Ltd. and the Soviet Government // *Cornell Law Review*. 1950. Vol. 36. No. 1.

ты и дипломатическая переписка, поскольку наиболее полно вопросы советско-американских отношений в 1930—1940-е гг. отражены в серии «Документы внешней политики СССР»¹³, что помогает составить объективное представление о международных отношениях между СССР и США.

Известно, что «правовая норма — это всегда продукт своего времени, важную роль в ее формировании играют эпохальные исторические события»¹⁴. В области советско-американских отношений, имеющих значение для развития правовой нормы, регулирующей вопросы экспроприации, к таким событиям относятся: издание советских декретов о национализации в 1917—1918 гг., ставших катализатором разрыва дипломатических отношений между СССР и США; восстановление советско-американских отношений в 1933 г. в виде соглашения Литвинов — Рузвельт¹⁵, включающего уступку Литвинова Соединенным Штатам в обмен на признание СССР; наконец, создание инвестиционного фонда для выплаты компенсации за насильственную экспроприацию имущества американских граждан. В статье рассматривается судебная практика данного периода, которая вызывает научный интерес с точки зрения толкования уступки Литвинова американскими судами, что помогает восстановить доктринальную справедливость и обеспечить надлежащее аналитическое оформление рассматриваемых событий. Однако данная статья не является исчерпывающей исторической справкой; в ней рассматриваются советско-американские отношения 1920—1930-х гг. именно сквозь призму МИП. Впервые в отечественной юридической науке на значительном фактическом, нормативном и теоретическом материале высказан и обоснован в качестве авторской концепции сам факт влияния уступки Литвинова на развитие МИП.

Американская судебная практика. С точки зрения современного МИП, в начале XX в. Советский Союз бросил вызов основным гарантиям защиты прав иностранных инвесторов в форме массового изъятия частной собственности без выплаты компенсации¹⁶. В частности, определенную обеспокоенность вызывал только развивающийся в американской доктрине международно-правовой стандарт

защиты иностранных инвестиций — минимальный стандарт обращения¹⁷. Капиталозэкспортирующие государства опасались, что правительства принимающих инвестиции государств не соблюдают базовых мер по обеспечению защиты прав иностранных граждан и их частной собственности¹⁸. Такие опасения имели основания в силу массовой экспроприации без выплаты компенсации в России в результате Октябрьской революции 1917 г.¹⁹ В связи с этим классический рефрен западной риторики гласил, что в соответствии с нормами международного права все государства обязаны предоставлять иностранным гражданам хотя бы минимальный стандарт защиты их прав²⁰.

Действие декретов о национализации в отношении юридических лиц, зарегистрированных на территории России, будь то непосредственно российская организация, занимающаяся хозяйственной деятельностью за рубежом²¹, или филиал иностранной компании, занимающейся хозяйственной деятельностью в России, — в любой ситуации действие декретов на практике вызывало определенные юридические проблемы²².

Во-первых, очевидная угроза нависла над самой концепцией юридического лица. По общему правилу, если юридическое лицо прекращает существование в месте своей регистрации, то оно также прекращает существование и на территории иностранного государства, где расположены его отделения²³. Но принятие советских декретов привело к необходимости выявления правовых последствий для российских организаций за рубежом. Однако «суды ряда стран признали, что юридические лица, существовавшие по царскому праву, перестали существовать в силу советского законодательства, уничтожившего их существование»²⁴.

¹⁷ См.: *Todd W.* An Historical Analysis of the Function of the Minimum Standard of Treatment. Leiden, 2011. P. 351.

¹⁸ См.: *Dumberry P.* The Formation and Identification of Rules of Customary International Law in International Investment Law. Cambridge, 2016. P. 63.

¹⁹ См.: *Diehl A.* The Core Standard of International Investment Protection: Fair and Equitable Treatment. Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2012. P. 146—147.

²⁰ См.: *Schreuer C., Dolzer R.* Principles of International Investment Law. Oxford, 2008. P. 12—13.

²¹ См.: *Wohl P.* Nationalization of Banking Corporations in Russia // *University of Pennsylvania Law Review*. 1927. Vol. 75. No. 5. P. 385.

²² См.: *J. K. G.* Exrtaterritorial Effect of Foreign Decrees and Seizures // *University of Pennsylvania Law Review and American Law Register*. 1940. Vol. 88. No. 8. P. 983—984.

²³ См.: *J. K. G.* Op. cit.; *Beale J. H.* The Conflict of Laws. Vol. 2. New York, 1935. P. 744.

²⁴ Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 6. См. также: *Lazard Brothers and Company v. Midland Bank*

¹³ Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941: сб. док. М., 2001. С. 9.

¹⁴ *Лабин Д. К., Соловьева А. В.* Указ. соч. С. 43.

¹⁵ Термин закреплен в дипломатической переписке. См., например: письмо Временного поверенного в делах СССР в США К. А. Умановского Временно исполняющему обязанности заведующего правовым отделом НКВД СССР М. А. Плотикину об уточнении толкования соглашения Литвинов — Рузвельт в связи с делом Чибриано и о позиции Госдепартамента США в данном вопросе (см.: Советско-американские отношения. 1934—1939. М., 2003. С. 716).

¹⁶ См.: *Miles K.* Op. cit. P. 74.

Во-вторых, необходимо было определить, имеет ли советское правительство в результате действия декретов о национализации право на собственность, принадлежащую российским юридическим лицам, которая находится за пределами юрисдикции российского государства²⁵. К слову, практика зарубежных государств по данному вопросу отличалась несистемностью и непоследовательностью²⁶. В соответствии с прецедентом признание государства дает обратную силу всем нормативным правовым актам правительства со дня его фактического существования²⁷. Согласно доктрине в США «существует правило, по которому судьба имущества иностранного юридического лица, в случае его ликвидации, определяется по закону той страны, к которой принадлежит это юридическое лицо»²⁸. Следовательно, американские суды были обязаны признать имущество национализированных предприятий, которое перешло в собственность советского правительства в результате действия декретов о национализации, но «американские суды долгое время даже после установления дипломатических отношений между СССР и США отказывались сделать такой вывод»²⁹.

Ltd. [1933] A. C. 289. Согласно решению английской Палаты лордов: «С октября 1917 г. правящей властью в России является Советское государство; следовательно, советское право является применимым со времени его признания *de facto* в 1921 г. и *de jure* в 1924 г. Действие признания имеет обратную силу к моменту его установления в октябре 1917 г.»

²⁵ См.: J. K. G. Op. cit. P. 984.

²⁶ См.: Wohl P. Op. cit.

²⁷ Aksionairnoye Obschestvo Dlia Mechanicheskoy Obrabotky Diereva A. M. Luther v. James Sagor and Company. [1921] 3 K. B. 532. В соответствии с материалами данного дела Советское правительство конфисковало древесину, находящуюся на территории России и принадлежащую гражданину России. Впоследствии конфискованная древесина была отправлена в Англию, где ее приобрел ответчик. Позиция истца заключалась в том, что декреты не имеют экстерриториального эффекта. Поскольку Советское правительство в то время еще не получило признание, английский суд решил, что декреты не имеют юридической силы. Однако апелляционная инстанция отменила данное решение в силу признания Советского правительства [1921] 3 K. B. 532.

²⁸ Лунц Л. А. Суд в Соединенных Штатах Америки на службе монополистического капитала. М., 1948. С. 33.

²⁹ Russian Reinsurance Co. and Paul Rasor v. Francis R. Stoddard and the Bankers Trust Co, 240 N. Y. 149, 158, 147 N. E. 703, 705 (1925). В соответствии с материалами данного дела рассматривался иск директоров Общества на средства Общества, находящиеся на текущем счету у ответчика. Суд штата Нью-Йорк удовлетворил иск, сославшись на неприменимость советских декретов о национализации в силу отсутствия дипломатических отношений между СССР и США. При этом суд указал ответчику, что даже в случае признания советско-

Фактический состав одной категории дел, в которых ставился вопрос о признании действия советских законов о национализации, сводился обычно к следующему: советская внешнеторговая организация продавала национализированное имущество иностранному контрагенту. После вывоза имущества за границу бывшие собственники обращались в суды капиталистических стран с виндикационными исками, пытаясь обосновать свое право на имущество путем отрицания юридической силы декретов о национализации. По общему правилу суды одного суверенного государства признают действия другого суверенного государства в отношении частной собственности, находящейся на территории последнего³⁰. Государство, издающее нормативный правовой акт, является государством *de facto*, без необходимости официального признания со стороны государства — места разрешения споров³¹. В анализе американской судебной практики Л. А. Лунц пришел к выводу, что «после длительных колебаний суды буржуазных стран пришли к тому, что право собственности Советского государства на национализированное имущество в этих случаях должно быть признано»³².

Наиболее известным является решение апелляционного суда штата Нью-Йорк, вынесенное в феврале 1933 г. по делу бывших собственников нефтяных промыслов в Баку к «Стандарт Ойл Компани». В решении подчеркивается иммунитет имущества СССР как суверенного государства, с которым американский суд должен считаться и при отсутствии дипломатических отношений между США и СССР, поскольку СССР является сувереном *de facto*³³. Дело *Salimoff v. Standard Oil Co.*³⁴ касается экспроприации имущества гражданина СССР государственными властями на территории Советского Союза и представляет собой «решение, проникнутое... уважением к правам независимого государства»³⁵. На тот момент советский режим еще не получил признания *de jure* или *de facto* со стороны США, хотя существование фактического правительства не оспаривалось. Советское правительство в соответствии с положениями изданных декретов национализировало имущество своего гражданина — земли с нефтяными ме-

го правительства, т. е. при наличии дипломатических отношений с СССР, американский суд не признает «конфискации частной собственности» (см.: Лунц Л. А. Суд в Соединенных Штатах Америки... С. 34).

³⁰ См.: Underhill v. Hernandez. 168 U. S. 250 (1897).

³¹ См.: J. K. G. Op. cit. P. 984; Sokoloff v. National City Bank of N. Y., 239 N. Y. 158, 165—66, 145 N. E. 917 (1924).

³² Лунц Л. А. Международное частное право. М., 1949. С. 200.

³³ Там же. С. 201.

³⁴ Salimoff v. Standard Oil Co. 262 N. Y. 220 (1933).

³⁵ Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 62.

сторождениями. В дальнейшем добытая из национализированных месторождений нефть была продана ответчику — «Стандарт Ойл Компани», который переправил нефть в США. Бывший собственник подал иск в нью-йоркский суд, заявляя, что «декреты о национализации, принятые непризнанным советским правительством, и экспроприация частной собственности в соответствии с такими декретами не могли лишить истца права собственности в соответствии с законодательством Нью-Йорка»³⁶. Однако суд постановил, что советские декреты имеют юридическую силу и лишают истца права собственности, поскольку у советского правительства, признанного *de facto*, было полномочие на приобретение права на нефть. Более того, суд постановил, что «отрицание действительности законов и декретов» Советского Союза находится вне его компетенции³⁷. Таким образом, американские суды не могут признавать права собственности у юридических лиц, созданных царским правительством и прекративших существование в силу актов советского правительства. В этом решении отражена классическая доктрина «актов государства» (*Act of State Doctrine*), согласно которой «суд вообще должен воздерживаться от обсуждения и вынесения суждений по вопросу о закономерности актов иностранного государства, ибо такие действия суда противоречили бы международно-правовому принципу суверенитета иностранного государства»³⁸.

Совершенно иное отношение американские суды проявляли к вопросу о правах советского государства на имущество национализированных банков, страховых обществ, транспортных и других предприятий, которое в момент национализации находилось за границей и фактически не поступало во владение СССР³⁹. Фактический состав дел в данном случае заключался в том, что ряд крупных дореволюционных российских банков и страховых обществ имели филиалы в крупнейших мировых финансовых центрах (Нью-Йорк, Лондон, Париж, Шанхай и др.) или хранили денежные средства на текущих счетах в иностранных банках. Бывшие директора национализированных предприятий, будучи за границей, не подчинялись советским декретам о национализации и продолжали распоряжаться заграничным имуществом таких предприятий. Периодически они обращались к местным банкам с требованиями о выдаче сумм, числившихся на счетах национализированных предприятий. Как следствие, в Америке возник ряд судебных дел, где быв-

шие директора выступали истцами, а иностранные банки — ответчиками. В стремлении удовлетворить интересы местных банков американские суды в некоторых случаях признавали, что советские декреты прекратили существование дореволюционных российских юридических лиц, а их директора утратили полномочия на распоряжение депозитами. Однако эти же суды отказывались признавать право собственности СССР на национализированное имущество.

В 1934 г. нью-йоркский апелляционный суд после установления между СССР и США нормальных дипломатических отношений в деле *Vladikavkazsky Railway Co. v. The New York Trust Co.*⁴⁰ принял другую точку зрения, которую «нельзя признать соответствующей уважению к правам дружественного государства»⁴¹. Истцом выступало национализированное «Общество Владикавказской железной дороги», которое требовало от ответчика выдачи вкладов, хранящихся в банке ответчика на имя «Общества». В свою очередь, банк возразил, что требование о выдаче вкладов не подписано правительственным директором, что прежние директора, проживающие в Париже, не уполномочены требовать обратно вклады и что само «Общество Владикавказской железной дороги» больше не существует, поскольку по декрету суверенного русского правительства названное «Общество» было ликвидировано и национализировано, его имущество конфисковано или принято названным правительством. Однако суд заключил, что бывшие директора имеют право представлять несуществующее юридическое лицо и требовать от его имени в американских судах денег, которые некогда ему причитались. Таким образом, американский суд принял решение о недействительности акта советского правительства о прекращении существования ряда акционерных обществ, постановив, что «произвольное уничтожение общества, конфискация его имущества и отказ платить по его обязательствам путем декрета противно нашему публичному порядку и шокирует наше чувство правды и справедливости», а следовательно, такие декреты не подлежат признанию. В СССР использование так называемой оговорки о публичном порядке было довольно редким явлением. Однако «расширенное применение этой оговорки, практикуемое в судебной практике США и некоторых других стран специально для того, чтобы ограничить признание действия законов социалистических стран, решительно противоречит международному публичному праву, нарушает принцип равноправия государств»⁴². Неудивительно, что в СССР

³⁶ Dickinson E. D. The Case of Salimoff & Co. // American Journal of International Law. 1933. Vol. 27. No. 4. P. 744.

³⁷ См.: Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 62.

³⁸ Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 430.

³⁹ Лунц Л. А. Международное частное право. С. 202.

⁴⁰ Vladikavkazsky Railway Co. v. The New York Trust Co. 263 N. Y. 369, 189 N. E. 456 (1934).

⁴¹ Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 61.

⁴² Там же. С. 61.

достаточно резко отреагировали на данное решение нью-йоркского суда, который «в полном неуважении к советским законам, к актам советского правительства, отрицая эти законы, признает сохранившимся акционерное “Общество Владикавказской железной дороги”, которое вот уже почти 17 лет является советской дорогой»⁴³.

Таким образом, в 1930-х гг. нью-йоркские суды в большинстве случаев отказывались признавать юридическую силу советских декретов о национализации в отношении активов, находящихся за пределами СССР⁴⁴, что противоречило основному началу международного права — принципу государственного суверенитета. По мнению советских юристов, «такое непризнание равносильно вмешательству во внутренние дела страны, произведшей национализацию частной собственности»⁴⁵. Более того, американские суды признали право американских отделений национализированных российских предприятий быть истцом в суде, несмотря на прекращение их существования в соответствии с советскими декретами⁴⁶. Все же после признания советского правительства нью-йоркская фемида стала более охотно признавать юридическую силу советских декретов о национализации (см. дело *Salimoff*)⁴⁷.

Поначалу Верховный суд США следовал сложившейся правовой тенденции, не желая вмешиваться в юрисдикцию нью-йоркских судов над нью-йоркскими активами национализированных российских предприятий⁴⁸. Так, например, в деле *United States v. Belmont* (дело *Belmont*)⁴⁹ суд постановил, что в результате уступки Литвинова у США как у правопреемника Советского Союза имеется основание для иска в отношении американских активов национализированных российских предприятий. Согласно материалам данного дела активы российской корпорации были помещены на депозит в частном нью-йоркском банке. После национализации предприятия ни советское правительство, ни корпорация, ни ее представители, ни ее кредиторы — никто не пытался направить взыскание на депозит. Позволить банку или государству (через механизм выморочного имущества) получить выгоду из невостребованных средств было бы единственно возможной альтернативой при-

знания экстерриториальности советских декретов⁵⁰. Однако вопрос экстерриториальности советских декретов оставался открытым вплоть до 1939 г., когда нью-йоркский апелляционный суд рассмотрел дело *Moscow Fire Insurance Co. v. Bank of New York and Trust Co.* (дело *Moscow*)⁵¹. Согласно решению суда местные кредиторы нью-йоркского отделения национализированной российской страховой компании получили причитающиеся им выплаты. Единственный вопрос в данном деле касался отчуждения оставшихся на балансе активов компании. Суд пришел к выводу, что советские декреты о национализации не имеют экстерриториальной силы, т. е. не применяются к зарубежным активам, а нью-йоркские отделения российских страховых компаний являются самостоятельными юридическими лицами, которые осуществляют свою деятельность исключительно в соответствии с действующим нью-йоркским законодательством⁵². Следовательно, объектами советских декретов не могут являться американские страховые компании. Вообще, суд рассматривал страхование в качестве особого вида предпринимательской деятельности, находящейся под абсолютным контролем и юрисдикцией штата. Соответственно, никакие декреты о национализации не могли регулировать имущественные отношения, связанные с собственностью таких компаний⁵³. В своем решении суд отметил, что «никакой акт правительства США не может принудить данный Штат оставить или передать часть такого контроля иностранному государству»⁵⁴.

Наконец, в 1942 г. суд в деле *United States v. Pink* (дело *Pink*)⁵⁵ отменил решение по делу *Moscow* и существенно расширил сферу применения решения по делу *Belmont*. Дело *Pink* представляет собой судебное признание полномочий президента по ведению внешней политики и регулированию международных отношений⁵⁶, что включает право — без согласия сената США — определять государственную политику США в отношении советских декретов о национализации⁵⁷. Резолютивная часть данного решения подсказывает, что президент как единоличный договаривающийся представитель государства мо-

⁵⁰ См.: *Effects in Private Litigation...* P. 86.

⁵¹ *Moscow Fire Ins. Co. v. Bank of New York & Trust Co.* 280 N. Y. 286, 20 N. E. 2d 758 (1939).

⁵² См.: *Effects in Private Litigation...* P. 84; *J. K. G. Op. cit.* P. 991.

⁵³ *J. K. G. Op. cit.* P. 991.

⁵⁴ *United States v. Pink* // *American Journal of International Law.* 1942. Vol. 36. No. 2. P. 316.

⁵⁵ *United States v. Pink.* 315 U. S. 203 (1942).

⁵⁶ См.: *Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Pink Case* // *American Journal of International Law.* 1942. Vol. 36. No. 2. P. 282.

⁵⁷ *United States v. Pink* // *American Journal of International Law.* 1942. Vol. 36. No. 2. P. 309.

⁴³ Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 62.

⁴⁴ См.: *Effects in Private Litigation of Failure to Recognize New Foreign Governments* // *University of Chicago Law Review.* 1951. Vol. 19. No. 1. P. 84.

⁴⁵ Лунц Л. А. Курс международного частного права. С. 418.

⁴⁶ *J. K. G. Op. cit.* P. 988.

⁴⁷ См.: *Effects in Private Litigation...* P. 85.

⁴⁸ *United States v. Bank of New York & Trust Co.* 296 U. S. 463 (1936).

⁴⁹ *United States v. Belmont.* 301 U. S. 324 (1937).

жет заключать соглашение, регулирующее претензии своих граждан при признании правительства иного государства и одновременно с этим при признании действительности актов такого правительства с момента его существования. Таким образом, в международных отношениях президент обладает определенным рода независимым влиянием не только на переговоры, но и на результат таких переговоров⁵⁸.

Дело *Pink* основано на иске США в отношении активов в размере 1 млн долл., принадлежащих нью-йоркскому филиалу Первой российской страховой компании (компания была учреждена в 1827 г. Николаем I, а ее нью-йоркское отделение было открыто в 1907 г.). После конфискации имущества страховой компании в соответствии с советскими декретами нью-йоркское отделение было упразднено по решению суда в 1925 г., а его активы поступили в распоряжение управляющего страховыми делами штата Нью-Йорк⁵⁹. По итогам выплат сумм, причитающихся национальным кредиторам, на балансе у управляющего образовался остаток средств, на который США предъявили свое право в качестве правопреемника СССР в результате уступки Литвинова. Суд постановил, что право советского правительства на собственность в Нью-Йорке регулируется российским, а не нью-йоркским правом, поскольку федеральное правительство, подписываясь под уступкой Литвинова, отнесло вопросы подобного рода к федеральному ведению⁶⁰. Таким образом, право США на активы превалирует над правом иностранного кредитора на эти же активы, так как уступка Литвинова являлась частью «исполнительного политического соглашения, имеющего преимущественную силу над законами штата Нью-Йорк, которые не признают действие декретов о национализации на территории штата Нью-Йорк»⁶¹.

В особом мнении судья Дуглас отметил, что право на оспариваемые активы перешло советскому правительству в качестве правопреемника от Первой российской страховой компании, а от СССР данное право перешло к США вместе с уступкой Литвинова⁶². По словам судьи, необходимо также признать экстерриториальность советских декретов в соответствии с их намерением⁶³, причем экстерриториальность обусловлена главным образом исполнительной поли-

тикой, сопровождающей акт признания Советского Союза⁶⁴. Дело *Pink* отличается широким толкованием доктрины обратной силы, что противоречит традиционной политике непризнания декретов о национализации, изданных экспроприирующим государством. Исполнительная политика являлась решающим фактором при принятии решения по делу *Pink*⁶⁵. Судья Дуглас подчеркивал, что «признание и уступка рассматривались как предпосылки к восстановлению взаимовыгодных торговых отношений и устранению всякого рода раздражения, вызванного актами экспроприации и пропагандой»⁶⁶.

В свою очередь судья Франкфуртер в особом мнении напомнил, что президентский контроль над международными отношениями в виде урегулирования исков является неоспоримым. Таким же неоспоримым является полномочие президента по установлению нормальных отношений с иностранным государством⁶⁷. История советско-американских отношений не оставляет сомнений в том, что на протяжении 16 лет формальные связи между двумя государствами были разорваны из-за двух основных источников конфликта, а именно российской пропаганды и экспроприации⁶⁸, при этом «Америка давила на СССР непризнанием»⁶⁹.

Содержание полномочий президента по заключению независимых исполнительных соглашений являлось предметом продолжительных дискуссий⁷⁰. В деле *Curtiss-Wright Export Corp.*⁷¹ Верховный суд США отметил, что президент обладает неотъемлемым правом в сфере международных отношений, которое позволяет президенту вступать в переговоры по заключению исполнительного соглашения без согласия Конгресса и без необходимости ссылаться на соответствующее положение в Конституции США. В делах *Pink* и *Belmont* суд подтвердил свою позицию в отношении неотъемлемости права президента, применяя уступку Литвинова к обстоятельствам дела на основе волеизъявления президента как «единоличного органа» правительства в сфере международных отношений⁷². Примечательно, что суд мог вынести постановление о наличии юридической силы соглашения на основе полномочия президента по

⁶⁴ См.: *Effects in Private Litigation...* P. 87.

⁶⁵ *Ibid.*

⁶⁶ *Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Pink Case.* P. 284.

⁶⁷ *United States v. Pink.* P. 328.

⁶⁸ *Ibid.*

⁶⁹ Советско-американские отношения. 1934—1939. С. 168.

⁷⁰ См.: *Klimacek S. M. The President's Power to Exempt a Foreign Nation from Local Taxation // Lawyer of the Americas.* 1983. Vol. 14. No. 3. P. 590.

⁷¹ См.: *United States v. Curtiss-Wright Export Corp.,* 299 U. S. 304 (1936).

⁷² См.: *Klimacek S. M. Op. cit.* P. 590.

⁵⁸ См.: *Dodd W. International Relations and the Treaty Power // American Journal of International Law.* 1944. Vol. 30. No. 6. P. 360.

⁵⁹ *Constitutional Law. Executive Powers. United States Rather Than Foreign Creditors Held Entitled Through Litvinov Assignment to Domestic Assets of Nationalized Russian Corporation // Harvard Law Review.* 1942. Vol. 55. No. 5. P. 864.

⁶⁰ См.: *Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Pink Case.* P. 283.

⁶¹ *Constitutional Law. Executive Powers...* P. 864.

⁶² *United States v. Pink.* P. 324.

⁶³ *Ibid.* P. 203, 218—221.

признанию иностранного государства⁷³, а не его волеизъявлению.

Непоследовательность толкования политики иностранного государства достигла апогея в разных подходах к толкованию одних и тех же советских декретов в важнейших судебных решениях по делам *Pink* и *Moscow*⁷⁴. Вопросы последовательности толкования и беспристрастности судей всегда являлись наиболее дискуссионными и в последнее время занимают центральное место на повестке дня Комиссии ООН по праву международной торговли в рамках обсуждения реформы системы урегулирования споров между иностранными инвесторами и государствами⁷⁵. Эти противоречащие друг другу решения еще больше подчеркивают ту легкость, с которой опытный судья может толковать юридический инструмент в нужном ему направлении в соответствии с государственной политикой и для достижения желаемого результата⁷⁶. Американские суды в делах о заграничном имуществе национализированных предприятий прибегали, по словам Л. А. Лунца, к «извращению коллизионных принципов и к искажению смысла советских законов»⁷⁷. Он называл такие решения американских судов «одним из проявлений беззакония и произвола»⁷⁸.

В советской доктрине доминировала точка зрения, согласно которой «суды некоторых стран капитализма допускали в ряде случаев грубые нарушения международного права, отказываясь признавать действие того или иного социалистического закона»⁷⁹. Хотя в отдельных случаях непризнание законов мотивировалось отсутствием дипломатических отношений между страной суда и страной, к законодательству которой отсылала коллизионная норма. В связи с этим в судебной практике открыто ставился вопрос о «признании или непризнании за возникшим государством качества субъекта международного права в зависимости от наличия или отсутствия дипломатических отношений с ним».

⁷³ См.: *Henkin L. Foreign Affairs and the Constitution*. New York, 1972. P. 178.

⁷⁴ См.: *Effects in Private Litigation...* P. 91.

⁷⁵ Подробнее об обсуждаемой реформе см. официальные документы Рабочей группы III ЮНСИТРАЛ непосредственно о проблеме независимости и беспристрастности арбитров: UNCITRAL, Possible Reform of Investor-State Dispute Settlement (ISDS), Ensuring independence and impartiality on the part of arbitrators and decision makers in ISDS, A/CN.9/WG.III/WP.151, 30.08.2018. См. также: *Соловьева А. В.* Новые подходы к реформе инвестиционного арбитража // *Московский журнал международного права*. 2019. № 1. С. 27—39. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-27-39.

⁷⁶ См.: *Effects in Private Litigation...* P. 91.

⁷⁷ *Лунц Л. А.* Международное частное право. С. 205.

⁷⁸ Там же. С. 206.

⁷⁹ *Лунц Л. А.* Курс международного частного права. С. 180.

При этом юристы утверждали, что права человека не должны быть умалены «вследствие того, что он живет под властью “неправомерно” возникшего государства»⁸⁰. Такая постановка вопроса была основана на «ложной»⁸¹ предпосылке, что *de facto* государство обязано своим существованием *de jure* официальному признанию. Все же США относительно редко ссылались на непризнание иностранного правительства или государства для обоснования отказа в признании его актов; для этого американские судьи прибегали к другим приемам⁸².

После издания первых советских декретов о национализации американскому суду в 1937 г. (дело *Belmont*) и в 1942 г. (дело *Pink*) пришлось признать, что суммы, депонированные у ответчиков на имя национализированных российских предприятий, должны быть выданы правительству США, которое требовало эти суммы, ссылаясь на право на их истребование в порядке переуступки от Советского правительства (уступка Литвинова). Решения по делам *Belmont* и *Pink* должны были окончательно определить для США широкое признание экстерриториальности действия социалистических законов о национализации частной собственности. На деле, однако, эти прецеденты игнорировались в последующих американских решениях.

Декреты о национализации и политика непризнания. Рассматриваемые далее события имеют принципиальное значение для теории МИП, поскольку заложили основы дефиниции «национализация» со стороны принимающего государства как принудительное безвозмездное изъятие имущества у иностранного инвестора, если такое изъятие является частью всенародной программы национализации⁸³. Согласно одной теории особая целенаправленность и политиче-

⁸⁰ *Лунц Л. А.* Курс международного частного права. С. 180—181.

⁸¹ Эта теория представляет собой прямое ограничение права наций на самоопределение и противоречит Уставу ООН. В советской литературе подчеркивалось отрицательное отношение к конститутивной теории признания и утверждалось, что правосубъектность государства в международном праве не зависит от его признания или непризнания (см., например: *Фельдман Д. И.* Признание государств в современном международном праве. Казань, 1965; *Международная правосубъектность*. М., 1971. Гл. VI).

⁸² Американский юрист Ф. М. Браун утверждал, что в основном судебная практика США придерживалась точки зрения, согласно которой отсутствие дипломатического признания иностранного государства не влияет на признание действия его законов, что эти законы должны получить экстерриториальный эффект независимо от признания такого государства, и что непризнанное правительство и его имущество пользуются полным судебным иммунитетом (см.: *Brown Ph. M. The Legal Effects of Recognition* // *American Journal of International Law*. 1950. Vol. 44. No. 4. P. 617—640).

⁸³ См.: *Miles K. Op. cit.* P. 72.

ский контекст таких изъятий являлись достаточным основанием для отграничения понятия «национализация» от понятий «конфискация» и «экспроприация»⁸⁴. В соответствии с другой теорией всесторонняя национализация была абсолютно беспрецедентной и сыграла значительную роль в оформлении экспроприации в качестве самостоятельного вопроса в международных экономических отношениях⁸⁵. Авторы исследования об экспроприации в XX в., подготовленного Библиотекой Конгресса США в 1963 г., пришли к выводу, что «изучение экспроприации как важной проблемы XX века может начинаться с Октябрьской революции 1917 г. в России. Конфискация частной собственности составляла фундамент революции, а национализация имела широкомасштабный характер с целью реализации марксистской доктрины, призывающей к социализации средств производства»⁸⁶. Об особенном характере советской национализации говорили и представители отечественной доктрины, ведь социалистическая национализация отличается от национализации в Англии, Франции и некоторых других странах капитализма, где национализация не ликвидировала господства частной собственности на орудия и средства производства и пролетариат выступал за широкую национализацию⁸⁷.

В 1917 г. советский режим пришел на смену Временному правительству Керенского, за которым последовала всесторонняя программа национализации, охватившая в том числе сферы страхования, банковского дела, торгового мореплавания и др.⁸⁸ на основе декретов 1917—1918-х гг.⁸⁹, выпущенных II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов, Все-

российским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) и Советом народных комиссаров (СНК).

Исключительное значение декретов о национализации обусловлено тем, что они представляют собой своеобразный источник МИП как «отдельные акты национального права внешнеэкономической направленности»⁹⁰.

Советские декреты о национализации включали две основные стадии: 1) ликвидация юридического лица; 2) переход всех активов ликвидированного юридического лица в собственность советского государства без выплаты компенсации. На второй стадии декреты приобретали характер «ордера о конфискации» имущества юридического лица, что, скорее, является элементом исполнительного производства, а не законодательного акта общего действия⁹¹. Основной аргумент СССР против выплаты компенсации заключался в том, что конфискация собственности проходила в рамках всеобъемлющей программы национализации, и общественно-политическая цель преобразовывала характер самого процесса изъятия имущества, освобождая таким образом принимающее государство от необходимости платить компенсацию. В широком смысле подобные действия можно рассматривать как попытку сделать международно-правовые принципы защиты иностранных инвестиций более ориентированными на общественно-политические интересы принимающего государства⁹².

Российским организациям было разрешено заниматься хозяйственной деятельностью на территории США на протяжении многих лет после их ликвидации в СССР в соответствии с советскими декретами. Несмотря на это, их существование было постепенно прекращено советскими органами государственной власти. При ликвидации юридических лиц после выплат сумм в пользу национальных кредиторов и залогодержателей на балансе часто оставались денежные средства, обычно передававшиеся по месту жительства ликвидатора, на которого возлагались обязанности удовлетворения иностранных кредиторов, хранения ликвидационного остатка или распределения остатка между акционерами⁹³. В случае с российскими активами по месту жительства ликвидатора отсутствовали необходимые механизмы, что осложняло распоряжение средствами. Директора более не существующих корпораций «обивали пороги» американских судов, пытаясь добиться права на оста-

⁸⁴ См.: *Miles K. Op. cit. P. 75.*

⁸⁵ См.: *Johnson O. T. Jr., Gimblett J. From Gunboats to BITs: The Evolution of Modern International Investment Law / Karl P. Sauvant (ed.) // Yearbook on International Investment Law & Policy 2010—2011, 2012. P. 661.*

⁸⁶ Ibid. P. 662. См. также: *Legislative Reference Service Report, Expropriation of American-owned property by foreign governments in the twentieth century // International Legal Materials. 1963. Vol. 2. No. 6. P. 1077.*

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ *J. K. G. Op. cit. P. 983.*

⁸⁹ Декрет о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г.; Декрет о национализации банков от 14(27) декабря 1917 г.; Декрет об отмене частной собственности на недвижимость в городах от 20 августа 1918 г.; Декрет о национализации предприятий ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц от 28 июня 1918 г.; Декрет о национализации нефтяной промышленности от 20 июня 1918 г.; Декрет о национализации Третьяковской галереи от 3 июня 1918 г.; Декрет о национализации сахарной промышленности от 2 мая 1918 г.; Декрет о национализации внешней торговли от 22 апреля 1918 г.; Декрет о национализации торгового флота от 23 января (5 февраля) 1918 г.

⁹⁰ *Лабин Д. К., Соловьева А. В. Указ. соч. С. 43.*

⁹¹ См.: *Effects in Private Litigation...* P. 78.

⁹² См.: *Miles K. Op. cit. P. 75.*

⁹³ См.: *Matter of People (Norske Lloyd Ins. Co.), 242 N. Y. 148, 151 N. E. 159 (1926); People v. Granite State Provident Assn., 161 N. Y. 492, 55 N. E. 1053 (1900); Irwin v. Granite State Provident Assn., 56 N. J. Eq. 244, 38 A 680 (1897); Southern Building & Loan Assn. v. Miller, 118 Fed. Rep. 369 (1902); Луниц Л. А. Международное частное право. С. 204.*

ток средств для их распределения среди иностранных кредиторов и акционеров⁹⁴.

Западные правительства, граждане которых пострадали от программы национализации, развернули серьезную антисоветскую кампанию⁹⁵. Так, 13 февраля 1918 г. американский посол Дэвид Р. Фрэнсис⁹⁶ направил телеграмму из Петрограда с коллективной декларацией от имени союзных и нейтральных государств, в которой выражал следующий протест: «Во избежание возможных недопониманий в будущем в Петрограде представители всех иностранных государств заявляют о недействительности декретов об аннулировании российских государственных кредитов, конфискации собственности и иных аналогичных мерах в отношении их граждан; указанные представители оставляют за собой право при удобном случае истребовать у российского правительства компенсацию убытков, понесенных нашими гражданами, от действия таких декретов»⁹⁷.

В октябре 1921 г. в Брюсселе состоялась конференция, посвященная так называемому «российскому вопросу», в которой приняли участие представители европейских держав, Японии, а также Международного Комитета Красного Креста и Американской администрации помощи⁹⁸. По итогам конференции участники приняли резолюцию (по инициативе англичан), в которой впервые был прописан принцип выплаты компенсации в случае экспроприации иностранной собственности: «Любая насильственная экспроприация и национализация иностранной собственности без выплаты компенсации находится в полном противоречии с практикой цивилизованных государств. В таком случае возникает право подачи иска против правительства экспроприирующего государства»⁹⁹. Практических последствий Брюссельская конференция не имела, но сохранила доктринальное значение, поскольку закрепила принцип компенсации за насильственную экспроприацию.

⁹⁴ См.: J. K. G. Op. cit. P. 989.

⁹⁵ См.: Friedman S. Expropriation in International Law. London, 1953. P. 18; Citing Correspondence between His Majesty's Government and the French Government respecting the Anglo-Russian Trade Agreement, 1921.

⁹⁶ Посол США в России в 1916—1918 гг. Дэвид Р. Фрэнсис стал последним послом США, аккредитованным при российском императорском дворе, и последним послом, работавшим в Петрограде.

⁹⁷ File No. 861.51/271, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia, Volume III. Office of The Historian, Historical Documents, Document 50. 02.02.1918. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1918Russiav03/d50> (дата обращения: 10.02.2019)

⁹⁸ Российская делегация не была допущена на конференцию.

⁹⁹ Wortley B. Expropriation in Public International Law. Cambridge, 1959. P. 9.

В 1920-х гг. Советский Союз начал активную работу по получению международного признания¹⁰⁰, обозначив готовность рассмотреть иностранные иски, вытекающие из актов экспроприации в результате Октябрьской революции¹⁰¹. На практике же такая готовность реализовывалась при условии удовлетворительного рассмотрения российских исков к западным правительствам в связи с военной интервенцией после Октябрьской революции (речь идет о прибытии японцев во Владивосток с согласия Америки, которая, по мнению СССР, таким образом приняла ответственность и за дальнейшие действия, и об англо-американской интервенции в Архангельск¹⁰²).

Признание СССР: travaux préparatoires¹⁰³. Приход к власти большевиков пришелся на период президентства Вудро Вильсона¹⁰⁴ в США, и почти сразу это государство разорвало с Россией дипломатические отношения. Американское посольство в России воздерживалось от каких-либо прямых контактов с новой властью. В феврале 1918 г. его сотрудники переехали из Петрограда в Вологду, а затем в Архангельск, где в течение первых трех месяцев ни один из принятых декретов не вступил в силу¹⁰⁵. Осенью 1919 г. американские дипломаты покинули Россию.

Администрация Вудро Вильсона¹⁰⁶ объясняла нежелание признавать новую российскую власть главным образом отказом СССР брать на себя обязательства перед США по долгам царской России и правительства Керенского, которые составляли, по подсчетам американской стороны, приблизительно 150 млн амер. долл. Еще одним важным вопросом являлась компенсация за экспроприацию собственности иностранных предприятий. Контрпретензии советского правительства ограничивались требованием возмещения ущерба от действий американских экспедиционных сил на Дальнем Востоке и на Кольском полуострове в ходе интервенции США в Россию в годы Граж-

¹⁰⁰ См.: Salacuse J. The Law of Investment Treaties. 2nd ed. Oxford, 2015. P. 73.

¹⁰¹ См.: Friedman S. Op. cit. P. 19; Citing Correspondence between British and Russian Governments concerning Russia's Foreign Indebtedness // British and Foreign State Papers. 1921. Vol. 114. No. 380.

¹⁰² Подробнее об интервенции в Архангельск см.: Rhodes B. D. A Prophet in the Russian Wilderness: The Mission of Consul Felix Cole at Archangel, 1917—1919 // Review of Politics. 1984. Vol. 46. No. 3. P. 388—409.

¹⁰³ Подготовительные работы (пер. с франц.).

¹⁰⁴ 28-й президент США (1913—1921).

¹⁰⁵ См.: Rhodes B. D. Op. cit. P. 393.

¹⁰⁶ Подробнее об отношении Вудро Вильсона к политике большевиков см.: Unterberger B. M. Woodrow Wilson and the Bolsheviks: The "Acid Test" of Soviet-American Relations // Diplomatic History. 1987. Vol. 11. No. 2. P. 71—90.

данской войны¹⁰⁷. Несмотря на признание Советской России основными государствами Востока и Запада, а также растущие торговые связи между СССР и США в 1920-е гг. преемники Вудро Вильсона в Белом доме — Уоррен Гардинг, Калвин Кулидж и Герберт Гувер¹⁰⁸ — продолжали политику непризнания СССР¹⁰⁹.

Избрание Франклина Делано Рузвельта в ноябре 1932 г. президентом США стало символом новой надежды для либеральных групп, настроенных на дипломатическое сближение с СССР и предоставление ему долгожданного признания¹¹⁰. В связи с этим историк Норман Сол в свое время писал, что «не было недостатка в выдающихся американцах, готовых запрыгнуть в отъезжающий экспресс Америка — СССР»¹¹¹.

Таким образом, смещение национального интереса в сторону признания Советской России объективно усилилось с приходом к власти президента Рузвельта и его администрации. Общественные опросы в США показывали, что лишь один из пяти американцев не желал признавать советское правительство. Это объяснялось скорее настороженностью и скептическим настроением относительно возможных выгод от восстановления дипломатических связей¹¹². Постепенно накопилась совокупность факторов, обосновывающих необходимость признания СССР Соединенными Штатами.

Во-первых, *ослабление коммунистической пропаганды*. Распространение фашизма в Европе и приход Гитлера к власти в Германии заставили советское руководство по-новому взглянуть как на перспективы мировой революции, так и на деятельность компартий. Отсутствие в речах лидеров СССР в 1930-е гг. самой идеи мировой революции объективно создавало благоприятную основу для установления дипломатических отношений между США и СССР. Многие американцы считали, что советское государство коренным образом изменило методы пропаганды, что оно перешло скорее к освещению достигнутых успехов, пытаясь убедить остальной мир в своей правоте силой собственного примера и конкретными достижениями, а не организацией разрушительной пропаганды за рубежом¹¹³. К тому же появилось осознание

того, что признание СССР не означает автоматического согласия с советской системой государственно-го управления или религиозными вопросами¹¹⁴.

Во-вторых, *экономическое сотрудничество*. Товарооборот между СССР и США даже в отсутствие дипломатических отношений увеличился с 42 млн амер. долл. в 1924 г. до 114 млн амер. долл. в 1930 г., но к 1932 г. эти цифры упали до 12,5 млн амер. долл. как следствие Великой депрессии. Деловые круги США во главе с Американско-Русской торговой палатой были откровенно заинтересованы в нормализации отношений с СССР. Члены Палаты официально выражали «всестороннюю» поддержку признания советского правительства¹¹⁵. В июне 1933 г. Максим Литвинов на Мировой экономической конференции в Лондоне заявил, что советское правительство «могло бы разместить в ближайшее время за границей заказов на сумму примерно в 1000 млн долл.»¹¹⁶. Подобное заявление, разумеется, не осталось без внимания деловых кругов США¹¹⁷. Американские промышленные предприятия, находясь под влиянием мирового экономического кризиса, искали рынки сбыта продукции. Их стремление изучить и оценить возможности советского рынка отражено в ряде документов, в том числе в аналитических обзорах американской «Дженерал Моторс Корпорэйшн», оценивающих перспективы торговых контактов с СССР, предложения отдельных фирм (например, запрос фирмы «Картер Продактс Инкорпорэйшн» на предоставление ей статуса торгового представителя СССР в округе Мичиган), документы по организации туров американских промышленников и представителей торговых фирм в СССР под руководством Американско-Русской торговой палаты¹¹⁸. Президент Палаты полковник Купер открыто настаивал на признании СССР и налаживании дипломатических связей, утверждая, что «процветание США и Европы можно ускорить, помогая России в торговле и техническом сотрудничестве»¹¹⁹.

В-третьих, *отказ СССР от претензий к США*. Советское руководство давало понять, что готово в одностороннем порядке отказаться от претензий к США в связи с их интервенцией в 1918 г. в Сибирь¹²⁰. В частности, Литвинов писал в ноте президенту Рузвельту, что Правительство СССР отказы-

¹⁰⁷ См.: Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012. С. 213.

¹⁰⁸ 29-й, 30-й и 31-й президенты США соответственно.

¹⁰⁹ См.: Москва—Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921—1941: сб. док.: в 3 т. Т. 2. 1929—1933. М., 2009. С. 625—632.

¹¹⁰ См.: Gribble R. United States Recognition of Soviet Russia: 1917—1933 — Church and State Responses // American Catholic Studies. 2008. Vol. 119. No. 4. P. 32.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Ibid. P. 33.

¹¹³ См.: Москва—Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921—1941. С. 425.

¹¹⁴ См.: Gribble R. Op. cit. P. 32.

¹¹⁵ Ibid. P. 33—34.

¹¹⁶ Документы внешней политики... Т. XVI. С. 345.

¹¹⁷ См.: Иванян Э. А. История США: пособие для вузов. М., 2004. С. 399.

¹¹⁸ См.: Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 16—23, 40—41.

¹¹⁹ Gribble R. Op. cit. P. 34.

¹²⁰ Подробнее о шести теориях интервенции США в Сибирь в 1918 г. см.: Richard C. J. The Shadow of a Plan: The Rationale behind Wilson's 1918 Siberian Intervention // The Historian. 1986. Vol. 49. No. 1. P. 64—84.

вается от любых претензий, «вытекающих из деятельности вооруженных сил Соединенных Штатов в Сибири или содействия вооруженным силам в Сибири после 1 января 1918 г.». Сделано это было в качестве доказательства наличия доброй воли со стороны Советского Союза, поскольку СССР отказался от одной из своих претензий к США, не дожидаясь окончательного урегулирования взаимных претензий¹²¹.

Наконец, *международный фактор*. Международная напряженность вызвала серьезную озабоченность Рузвельта. Особенно волновали действия Японии: захват в 1931 г. Маньчжурии и продвижение в глубь Китая привели к вытеснению американского капитала. Для США единственным сильным потенциальным союзником, способным противостоять японской экспансии на Дальнем Востоке, мог стать только Советский Союз. В телеграмме из Вашингтона от 17 ноября 1933 г. Литвинов писал, что серьезную опасность представляет «японская военщина», при этом Америка не боится атак, но Япония вынуждает Америку тратить новые сотни миллионов долларов на вооружение, а СССР и США могли бы обмениваться информацией о Японии¹²².

Рузвельт стремился восстановить с СССР «нормальные» дипломатические отношения почти сразу после прихода в Белый дом. При этом президент хорошо понимал, что признание СССР послужит стратегическим интересам США по ограничению японского экспансионизма в Азии и укрепит американские торговые интересы в СССР. Последнее было особенно важно в разгар Великой депрессии в США. Наконец, недоумение у многих вызывал сам факт того, что Соединенные Штаты столь длительное время оставались единственной великой державой, не признававшей СССР. Таким образом, необходимость скорейшего разрешения «российского вопроса» диктовало само время.

В своем намерении Рузвельт действовал через доверенных лиц: Генри Моргентау и Уильяма Буллита¹²³, которые установили контакты с неофициальным советским представителем в США Борисом Сквирским, передав ему 10 октября 1933 г. от президента Рузвельта послание Председателю ВЦИК СССР Михаилу Калинин. В нем говорилось о желании США «покончить с теперешними ненормальными отношениями» между двумя державами и начать переговоры. Американская сторона предлагала России прислать в Вашингтон своего представителя для обсуждения этого вопроса лично с президентом. Спустя неделю, 17 ок-

тября 1933 г., Сквирский в телеграмме¹²⁴ докладывал о беседе Рузвельта с Робинсом¹²⁵ и полковником Купером об СССР, в которой Рузвельт признался в намерении признать СССР. В своем ответе Калинин назвал сложившееся положение между двумя государствами «крайне ненормальным и достойным сожаления» и извещал о том, что представителем советского правительства в Вашингтон поедет Литвинов¹²⁶. Выдающийся советский дипломат годами боролся за достижение не просто нормальных, а именно хороших отношений с Западом в общем, и с США в частности¹²⁷. Литвинов действительно отличался искренней привязанностью к Америке и президенту Рузвельту, чей портрет занимал почетное место в кабинете Литвинова в Кремле¹²⁸.

Вашингтонские переговоры. Утром 7 ноября 1933 г. океанский лайнер «Беренгарсия» прибыл в порт Нью-Йорка, доставив в Америку Литвинова и его помощников. По этому поводу Литвинов писал, что сознает выпавшую на его долю честь «первым принести привет американскому народу от народов Советского Союза», подчеркивая «искусственный характер существовавшего до сих пор отчуждения» ввиду наличия «прочной базы для научного, культурного и экономического сотрудничества в интересах обеих стран»¹²⁹. На основе информации из предварительных контактов Сквирского с Моргентау, Буллитом и Муром¹³⁰ представители Советского Союза в Вашингтоне имели четкое представление, в каком русле будут протекать переговоры с президентом и о характере претензий к советскому правительству.

Уже 8 ноября 1933 г. Литвинова ожидал весьма насыщенный день. Сперва — утренняя двухчасовая встреча с Кордэллом Халлом¹³¹, на которой обсуждались вопросы религии, пропаганды, правовое положение американцев на территории СССР, денежные претензии США и контрпретензии СССР, которые Халл считал несправедливыми¹³². Далее последовал завтрак в

¹²⁴ См.: Документы внешней политики... Т. XVI. С. 564, 576.

¹²⁵ См.: Рэймонд Робинс, видный экономист и общественный деятель США.

¹²⁶ См.: Документы внешней политики... Т. XVI. С. 565.

¹²⁷ См.: Phillips H. Maxim M. Litvinov and Soviet-American Relations, 1918—1946 // Woodrow Wilson International Center for Scholars. 1996. P. 1.

¹²⁸ См.: Haslam J. Stalin and Litvinov // G. Gorodetsky (ed.). Soviet Foreign Policy. 1917—1991: A Retrospective. London, 1994. P. 55.

¹²⁹ Документы внешней политики... Т. XVI. С. 604.

¹³⁰ Роберт Мур, в 1933—1937 гг. помощник госсекретаря США, с 1937 г. советник Госдепартамента, давний сторонник признания СССР.

¹³¹ Кордэлл Халл, политический деятель и дипломат, с 1933 по 1944 г. госсекретарь США.

¹³² См.: Документы внешней политики... Т. XVI. С. 609.

¹²¹ См.: Документы внешней политики... Т. XVI. С. 654, 657.

¹²² Там же. С. 658.

¹²³ Генри Моргентау, 52-й министр финансов США; Уильям Буллит, дипломат, специальный помощник госсекретаря и советник президента по внешней политике, первый посол США в Советском Союзе после признания в 1933 г.

Белом доме в компании Рузвельта и Халла, на котором еще раз были обсуждены отдельные аспекты утреннего разговора. После завтрака у Литвинова с Рузвельтом состоялся весьма доверительный разговор, в ходе которого президент сделал очень личное признание в том, что он «всегда сомневался в моральном праве Америки на получение царских долгов». В итоге стороны договорились о необходимости «найти формулу, которая дала бы удовлетворение противникам признания». Позднее Литвинов констатировал, что переговоры идут туго и имеется расхождение сторон по всем вопросам. Представляется, что во многом этому способствовало присутствие Халла с четырьмя помощниками, которые, хоть и не стремясь к срыву переговоров, все же значительно осложняли их, используя «враждебные материалы»¹³³.

На следующий день, 9 ноября 1933 г., Литвинов снова встретился с президентом Рузвельтом. Переговоры проходили в конструктивном духе и дружественной атмосфере. Первоначально обсуждались волновавшие американцев проблемы: о долгах царской России и правительства Керенского, о юридических правах проживавших в СССР американских граждан, о роли СССР в коммунистическом движении и пропаганде на территории США¹³⁴.

10 ноября 1933 г. вновь состоялась встреча Литвинова с Рузвельтом, на которой президент повторил, что его интересует обсуждение более глубоких проблем. На это Литвинов ответил, что приехал «не для разрешения всех вопросов по существу, а скорее для организации необходимого для этого аппарата»¹³⁵. Что касается вопроса о взаимных претензиях, то Литвинов лично надеялся убедить президента в «абсолютной невозможности и нецелесообразности» попытки разрешения этого сложного вопроса. Интересно отметить, что Рузвельт согласился с невозможностью полностью разрешить вопрос о претензиях, хотя согласование некоторых принципов представлялось все же возможным¹³⁶.

С вечера 10 ноября и до конца переговоров 15 ноября Литвинов встречался с президентом фактически каждый день, методично вырабатывая приемлемую для обеих сторон формулу по самому трудному вопросу — о долгах. Наконец, 15 ноября в ходе многочасовых бесед Литвинова с Рузвельтом, Буллитом и Моргентау стороны пришли к «джентльменскому соглашению», согласно которому «исчезло упоминание о царских долгах, но появилось согласие советской стороны на признание долга Временного правительства Керенского при условии получения займа от Соединенных Штатов с рассрочкой на 20 лет»¹³⁷ в размере 150 млн амер. долл., причем первые четыре года

после использования всей суммы кредитов советское правительство соглашалось платить 4%, а следующие 16 лет — 7%, «из которых 3% идут на погашение долга Керенского»¹³⁸. Советское правительство принимало на себя обязательство уплатить правительству США «в качестве взноса за счет долга Керенского... сумму не ниже 75 000 000 амер. долл.»¹³⁹. Что касается размера долга, то Литвинов весьма жестко писал, что «сумма свыше 75 000 000 амер. долл. ничем не оправдывается»¹⁴⁰. Позднее в телеграмме полномочному представителю СССР в США Александру Трояновскому от 3 апреля 1934 г. Литвинов подчеркивал, что «если отвечать за долг Керенского, то лишь за ту часть, которая действительно дошла до него, а не за деньги, которые растранижили его агенты, когда уже правительства Керенского не существовало»¹⁴¹.

Litvinov Assignment: 16 ноября 1933 г. На момент установления рузвельтского режима на территории США уже находилась собственность как российского правительства, так и российских граждан. Настало время, когда советское правительство стало заявлять требования на данную собственность либо в качестве правопреемника Временного правительства, либо в соответствии с положениями декретов о национализации. Поскольку советское правительство конфисковало собственность своих граждан в России, почему бы ему не конфисковать собственность своих граждан за рубежом?¹⁴²

По этому поводу в октябре 1933 г. нью-йоркский юрист Фредерик Р. Кудерт отмечал, что еще в марте 1921 г. советское правительство согласилось воздержаться от любых попыток истребовать назад собственность, ранее принадлежавшую российским правительствам и находящуюся на территории Британии. Почему этот принцип не может применяться и к США? В частности, он писал: «Не будет ли уместным и правильным обеспечить определенное соглашение в отношении данных исков со стороны Советского Союза в преддверии его признания? Если, как мы предполагаем, данные иски не будут удовлетворены, то представляется крайне необходимым введение механизма уступки прав по данным искам со стороны советского правительства в пользу правительства США»¹⁴³. Позднее помощник госсекретаря Мур обозначил данный курс действий как наилучший альтернативный сценарий¹⁴⁴.

Рекомендациям последовали. Процедура обмена нотами между наркомом СССР и президентом Руз-

¹³³ Документы внешней политики... Т. XVI. С. 610.

¹³⁴ См.: Гарбузов В. Н. Указ. соч.

¹³⁵ Документы внешней политики... Т. XVI. С. 621.

¹³⁶ Там же. С. 622.

¹³⁷ Мальков В. Указ. соч. С. 176.

¹³⁸ Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 96.

¹³⁹ Документы внешней политики... Т. XVI. С. 640.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Советско-американские отношения. 1934—1939. С. 94.

¹⁴² См.: Bishop D. G. Op. cit. P. 181—182.

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ См.: Мальков В. Указ. соч. С. 170.

вельтом 16 ноября 1933 г. в 22 часа в Белом доме в присутствии Моргентау, Буллита, Филлипса и Вудина¹⁴⁵ явилась главным итогом миссии Литвинова. Одновременно стороны обменялись нотами о невмешательстве во внутренние дела друг друга, о правовой защите граждан, о свободе вероисповедания для американцев, проживающих на территории СССР, а также о судебных делах.

В ходе обмена нотами было заключено исполнительное соглашение Литвинов — Рузвельт, в соответствии с которым правительство США соглашалось признать советское правительство, а взамен советское правительство соглашалось на то, что оно «не примет никаких мер для приведения в исполнение каких-либо решений судов или возбуждения каких-либо новых судебных дел в отношении сумм, которые признаны или могут быть признаны причитающимися ему в качестве преемника прежних правительств России» и что оно «не будет возражать против того, чтобы такие суммы были уступлены правительству Соединенных Штатов» и, наконец, «отказывается в пользу правительства Соединенных Штатов от всех подобных сумм и уступает их ему»¹⁴⁶. Такая уступка и стала известна в дальнейшем как уступка Литвинова (в американской доктрине — *Litvinov Assignment*). Здесь важно отметить, что данный юридический факт все же нашел отражение в советской доктрине. В частности, в литературе упоминается, что 16 ноября 1933 г. «наше правительство передало правительству США право на взыскание некоторых сумм, оставшихся в американских банках на счетах ряда национализированных предприятий»¹⁴⁷.

Примечательно, что уступка носила временный характер, поскольку давалась «впредь до окончательного урегулирования претензий и контрпретензий»¹⁴⁸. Реализация уступки была вопросом юридической техники: Литвинов дал обещание и поставил под ним свою подпись, что сделало обещание юридически действительным, а непосредственное исполнение находилось уже в руках правительства США. Как показала судебная практика, исполнение было весьма затруднительным, так как «американские банки отказали своему собственному правительству в выдаче этих фондов», вследствие чего «возник ряд судебных дел, в которых правительство США выступало в качестве истца, а американские банки в качестве ответчиков»¹⁴⁹. В течение четырех лет, с 1933 по 1937 г., «амери-

канские суды потворствовали американским банкам в нарушении американского закона»¹⁵⁰, возможно, с целью срыва нормальных отношений между США и СССР. И только в 1937 г. Верховный суд США удовлетворил иск правительства США к банкирскому дому Бельмонт о выдаче — в соответствии с уступкой Литвинова — денежных сумм на текущем счете национализированного советского предприятия.

Комиссия по разрешению международных споров и фонд. Уступка Литвинова представляет собой нормативно-правовую базу для инвестиционного фонда, учрежденного для выплаты компенсаций по искам американских граждан к СССР в результате национализации их собственности.

Несмотря на то что уступка Литвинова планировалась изначально в качестве временной меры, последующие переговоры между двумя правительствами оказались безуспешными и «окончательного урегулирования» взаимных претензий так и не произошло, что, однако, никак не повлияло на полное признание СССР со стороны Соединенных Штатов. Фактически СССР добился полного признания без полного исполнения финансовых обязательств. При этом инвестиционный фонд просуществовал не одно десятилетие. Распределение денег на погашение исков осуществлялось Комиссией по разрешению международных споров¹⁵¹ в соответствии с разделом III Общего акта о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 г.¹⁵²

Суммарно частные иски против Советской России достигали около 300 млн амер. долл. При этом согласно подсчетам «Комиссия за время своей работы приняла 1 900 решений, которые насчитывали в общей сложности лишь 38 793 147 амер. долл.»¹⁵³, причем по состоянию на 1938 г. совокупная сумма по искам достигла всего 20 млн амер. долл.¹⁵⁴, а «на начало 1960-х гг. лишь малая толика исков американских граждан была погашена из фондов в соответствии с

¹⁵⁰ Лунц Л. А. Суд в Соединенных Штатах Америки... С. 35.

¹⁵¹ Подробнее о работе Комиссии см.: *Clay H. J. Relief for War Victims: Recent Foreign Claims Legislation* // *ABA Journal*. 1956. Vol. 42. No. 4. P. 337—340.

¹⁵² Общий акт (в некоторых источниках — Генеральный акт) о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 г. (с поправками, внесенными Генеральной Ассамблеей ООН 28 апреля 1949 г.) вступил в силу 20 сентября 1950 г. Подробнее см., например: *Емельянова Н. Н.* Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2012. № 3. С. 130—140.

¹⁵³ Brief on behalf of the Association of American Creditors of Russia, as amicus curiae, in the Pink case.

¹⁵⁴ Annual Report of the Attorney General of the United States, 1938. P. 123. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b5145547;view=lup;seq=133> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁴⁵ Уильям Филлипс, заместитель госсекретаря США (1933—1936 гг.); Уильям Вудин, министр финансов США с 5 марта 1933 г. по 31 декабря 1933 г.

¹⁴⁶ Документы внешней политики... Т. XVI. С. 652.

¹⁴⁷ Лунц Л. А. Суд в Соединенных Штатах Америки... С. 34.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 35.

уступкой Литвинова»¹⁵⁵. Однако в соглашении между Литвиновым и Рузвельтом не указано, что уступаемые активы равны суммам, подлежащим выплате по частным искам.

Важно отметить, что речь идет исключительно о частноправовых исках¹⁵⁶, направленных американскими гражданами, а не правительством США. Иски в размере 1 тыс. амер. долл. и меньше погашались полностью и одновременно; для всех остальных исков сначала выплачивался первый транш в размере 1 тыс. амер. долл., а затем рассчитывалась пропорциональная доля на балансе¹⁵⁷. Здесь можно привести несколько примеров. Так, Сьюзан Эрскин Роджерс приобрела тысячедолларовую облигацию, выпущенную «Обществом Владикавказской железной дороги», которое впоследствии было национализировано советским правительством¹⁵⁸. Роджерс потребовала сумму в размере 2580 амер. долл. (номинальная стоимость облигации вместе с процентами). В 1957 г. Комиссия удовлетворила данное требование. Согласно другому примеру Эндрю Г. Аллен получил 4 тыс. амер. долл. с процентами, начисленными вплоть до 16 ноября 1933 г., на основании конфискованных государственных облигаций царской России. Из фонда погашались и более высокие исковые требования. Например, Комиссия выдала 82 500 амер. долл. Методистской церкви за конфискованные в 1917 г. земли и здания. А в 1958 г. «Эллис Чалмерс Мануфэкчуринг Компани» получила компенсацию в размере 62 162 амер. долл. (с процентами) за конфискованные банковские депозиты. Менее удачной оказалась «Зингер Мануфэкчуринг Компани», которая предъявила иск на сумму 100 096 398 амер. долл. как собственник российской компании, ее казначейских векселей и банковских счетов. Данный иск был удовлетворен частично. Сперва Комиссия уменьшила заявленную сумму до 25 787 207 амер. долл. Но поскольку стоимость российской дочерней компании была установлена в размере 19 077 666 амер. долл., то «Зингер» выплатили в итоге именно такую компенсацию¹⁵⁹. Таким образом, средства из фонда были потрачены на погашение (хоть и частичное) претензий американских граждан.

Можно предположить, что с международно-правовой точки зрения принципиальным последствием уступки Литвинова стало то, что СССР не был до-

пущен в американские суды и не мог вмешиваться в процессуальное право и исполнительное производство. Более того, советское правительство не имело возможности «подать апелляцию на решения, вынесенные до 16 ноября 1933 г., касающиеся нахождения российских денежных средств на территории США»¹⁶⁰. С другой стороны, как показывает американская судебная практика 1930—1940-х гг., федеральное правительство США разрешило конфликт прав в виде примата российского права над национальным — акт вежливости американской и, в частности, нью-йоркской судебной системы.

Заключительные положения. Статья представляет собой научно-правовое освещение внешней политики первого в мире социалистического государства, которое внесло в международную жизнь первой половины XX в. новые начала межгосударственных и международных экономических отношений. Историко-юридическое направление в международной историографии является весьма актуальным направлением в юридической науке, и можно предположить, что многие — и тем более теоретики права — только выиграют от большего понимания и осознания нашего (правового) прошлого¹⁶¹.

Российская доктрина не выработала самостоятельного подхода к периодизации истории МИП. Историческое исследование МИП — заслуга прежде всего западной юридической мысли, а ведь именно Советский Союз в свое время сыграл одну из ключевых ролей в кристаллизации данной отрасли права. Принятие декретов о национализации и сама программа массовой национализации в СССР внесли свой вклад в оформление таких базовых понятий в МИП, как «национализация», «экспроприация», «экспроприация без выплаты компенсации» и др. Действия СССР привели к оформлению правила о запрете экспроприации без выплаты компенсации. События, происходящие в России в 1917—1918 гг., показали, что в отдельных государствах стандарт защиты прав иностранных инвесторов является достаточно низким, что и стало катализатором для полноценного развития международного принципа минимального стандарта обращения.

В рассматриваемый период в отношениях СССР и США, с одной стороны, существенное место занимал вопрос об урегулировании долговых претензий, с другой стороны, эти годы характеризуются ростом интереса к СССР как к источнику «невообразимо ценных неосвоенных ресурсов»¹⁶². Более того, вопросы установления экономического взаимодействия США и СССР в 1930-х гг. решались не только на правительственном уровне. В статье отмечается весьма настойчивый интерес к перспективному советскому

¹⁵⁵ *Salacuse J. The Law of Investment Treaties. 2nd ed. Oxford, 2015. P. 74.*

¹⁵⁶ Подробнее о видах исков, рассматриваемых Комиссией, см.: *Clay H. J. Op. cit. P. 339.*

¹⁵⁷ См.: *Bishop D. G. Op. cit. P. 196.*

¹⁵⁸ «Общество Владикавказской железной дороги» было национализировано в сентябре 1918 г. и передано Народно-му комиссариату путей сообщения.

¹⁵⁹ См.: *Bishop D. G. Op. cit. P. 196.*

¹⁶⁰ *Bishop D. G. Op. cit. P. 197.*

¹⁶¹ См.: *Kammerhofer J. Op. cit. P. 165.*

¹⁶² *Gribble R. Op. cit. P. 34.*

рынку со стороны «крупнейших единиц американской промышленной системы»¹⁶³.

По своей природе уступка Литвинова — это компенсационный инструмент, переданный правительству США для истребования сумм, причитающихся иностранным инвесторам за насильственную экспроприацию их частной собственности на основе декретов о национализации 1917—1918 гг. Для российской школы международного права уступка Литвинова — это своего рода фата-моргана: юридическая иллюзия; редко встречающееся в отечественной доктрине сложное явление, состоящее из нескольких форм «миражей» (обещание? договор? соглашение? нота?), при котором отдаленные объекты (декреты о национализации и связанные с ними акты национализации) видны многократно и с разнообразными искажениями. Это вовсе не означает ошибочность российской доктрины. Речь скорее идет о наложении двух плоскостей — международной (для международного публичного права) и национальной (для международного частного права), что еще более заметно в контексте МИП, чье место в системе международного права является по сей день предметом отчаянных дискуссий¹⁶⁴. В результате преломления правовых основ реально существующие объекты (советские декреты о национализации) дают несколько искаженные и быстро меняющиеся во времени изображения, о чем свидетельствует нестабильная американская судебная практика 1930-х гг. Сам Лунц неоднократно писал о «сознательном извращении советских декретов о национализации» со стороны американских судов. Например, в решении апелляционного суда по делу *Moscow* суд заявил, что «имущество национализированных страховых обществ было у них конфисковано в порядке уголовного на-

казания, а иностранные уголовные законы, как известно, не имеют силы за пределами издавшего их государства»¹⁶⁵ — все это вопреки общеизвестному факту, что советская национализация означала отмену частной собственности на орудия и средства производства и превращение их в государственную собственность.

Научная привлекательность данной статьи подтверждается любопытной судебной практикой. Например, решение *Belmont* утвердило приоритет федеральной власти в международных отношениях над законодательством штата. А в деле *Moscow* суд постановил, что советские декреты о национализации не имеют экстерриториального эффекта. Наконец, решение *Pink* обязывает суды признавать действие советских декретов о национализации на территории штата Нью-Йорк в соответствии с уступкой Литвинова¹⁶⁶.

Нами проанализированы ключевые для развития МИП события первой половины XX в. в разрезе советско-американских отношений. Рассмотрены первые декреты о национализации как важнейший источник МИП: несмотря на внутрисудебную природу экстерриториальности актов согласно американской доктрине означала их верховенство над национальным правом США. Проведенное исследование объясняет, почему изучение экспроприации в МИП следует начинать именно с Октябрьской революции 1917 г. в России и массовой национализации, приведших к появлению новых межгосударственных отношений. Массовость национализации повлекла изменение подходов к ее регулированию, а уступка Литвинова стала юридическим инструментом, который заложил базовый принцип выплаты компенсации за насильственную экспроприацию и национализацию собственности иностранного инвестора.

¹⁶³ Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941. С. 22.

¹⁶⁴ Подробнее о месте МИП в международном праве см.: Лабин Д. К., Соловьева А. В. Указ. соч.

¹⁶⁵ Лунц Л. А. Суд в Соединенных Штатах Америки... С. 35.

¹⁶⁶ См.: *Constitutional Law. Executive Powers...* P. 865.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Beale J. H. *The Conflict of Laws*. Vol. 2. New York, 1935.
- Bennett E. M. *Recognition of Russia: An American Foreign Policy Dilemma*. Waltham, 1970.
- Bishop D. *The Roosevelt—Litvinov Agreement: The American View*. Syracuse, 1965.
- Bishop R. D., Crawford J., Reisman W. M. (eds.). *Foreign Investment Disputes: Cases, Materials and Commentary*. 2nd ed. Hague, 2005.
- Citing Correspondence between His Majesty's Government and the French Government respecting the Anglo-Russian Trade Agreement, 1921.
- Citing Correspondence between British and Russian Governments concerning Russia's Foreign Indebtedness // *British and Foreign State Papers*. 1921. Vol. 114. No. 380.
- Clay H. J. *Constitutional Law. Executive Powers. United States Rather Than Foreign Creditors Held Entitled Through Litvinov Assignment to Domestic Assets of Nationalized Russian Corporation* // *Harvard Law Review*. 1942. Vol. 55. No. 5.
- Coyle J. F. *The Treaty of Friendship, Commerce and Navigation in the Modern Era* // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2013. Vol. 51. No. 2.
- Dickinson E. D. *The Case of Salimoff & Co.* // *American Journal of International Law*. 1933. Vol. 27. No. 4.
- Diehl A. *The Core Standard of International Investment Protection: Fair and Equitable Treatment*. Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2012.

- Dodd W. International Relations and the Treaty Power // *American Journal of International Law*. 1944. Vol. 30. No. 6.
- Douglas Z., Pauwelyn J., Viñuales J. The Foundations of International Investment Law. Bringing theory into practice. Oxford, 2015.
- Dumberry P. The Formation and Identification of Rules of Customary International Law in International Investment Law. Cambridge, 2016.
- Effects in Private Litigation of Failure to Recognize New Foreign Governments // *University of Chicago Law Review*. 1951. Vol. 19. No. 1.
- Friedman S. Expropriation in International Law. London, 1953.
- Gribble R. United States Recognition of Soviet Russia: 1917—1933 — Church and State Responses // *American Catholic Studies*. 2008. Vol. 119. No. 4.
- Grotius H. The Freedom of the Seas (1608) Carnegie Endowment for International Peace / J. B. Scott (ed.). Oxford, 1916.
- Haslam J. Stalin and Litvinov // G. Gorodetsky (ed.). Soviet Foreign Policy. 1917—1991: A Retrospective. London, 1994.
- Henkin L. Foreign Affairs and the Constitution. New York, 1972.
- J. K. G. Extraterritorial Effect of Foreign Decrees and Seizures // *University of Pennsylvania Law Review and American Law Register*. 1940. Vol. 88. No. 8.
- Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Pink Case // *American Journal of International Law*. 1942. Vol. 36. No. 2.
- Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Belmont Case // *American Journal of International Law*. 1937. Vol. 31. No. 3.
- Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Pink Case // *American Journal of International Law*. 1942. Vol. 36. No. 2.
- Johnson O. T. Jr., Gimblett J. From Gunboats to BITs: The Evolution of Modern International Investment Law / Karl P. Sauvant (ed.) // *Yearbook on International Investment Law & Policy* 2010—2011, 2012.
- Kammerhofer J. The Challenges of History in International Investment Law: A View From Legal Theory / S. W. Schill, C. J. Tams, R. Hofmann (eds.). Frankfurt, 2018.
- Klimacek S. M. The President's Power to Exempt a Foreign Nation from Local Taxation // *Lawyer of the Americas*. 1983. Vol. 14. No. 3.
- Legislative Reference Service Report, Expropriation of American-owned property by foreign governments in the twentieth century // *International Legal Materials*. 1963. Vol. 2. No. 6.
- Miles K. The Origins of International Investment Law: Empire, Environment, and the Safeguarding of Capital. Cambridge, 2013.
- Nussbaum A. Arbitration between the Lena Goldfields Ltd. and the Soviet Government // *Cornell Law Review*. 1950. Vol. 36. No. 1.
- Phillips H. Maxim M. Litvinov and Soviet-American Relations, 1918—1946 // Woodrow Wilson International Center for Scholars. 1996.
- Rhodes B. D. A Prophet in the Russian Wilderness: The Mission of Consul Felix Cole at Archangel, 1917—1919 // *Review of Politics*. 1984. Vol. 46. No. 3.
- Richard C. J. The Shadow of a Plan: The Rationale behind Wilson's 1918 Siberian Intervention // *The Historian*. 1986. Vol. 49. No. 1.
- Salacuse J. The Law of Investment Treaties. 2nd ed. Oxford, 2015.
- Schill S. W. W(h)ither Fragmentation? On the Literature and Sociology of International Investment Law // *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 22. Iss. 3.
- Schreuer C., Dolzer R. Principles of International Investment Law. Oxford, 2008.
- Todd W. An Historical Analysis of the Function of the Minimum Standard of Treatment. Leiden, 2011.
- Unterberger B. M. Woodrow Wilson and the Bolsheviks: The "Acid Test" of Soviet-American Relations // *Diplomatic History*. 1987. Vol. 11. No. 2.
- Vattel E. de. The Law of Nations or Principles of Natural Law. Book 2. Chapter 8. London, 1797.
- Wohl P. Nationalization of Banking Corporations in Russia // *University of Pennsylvania Law Review*. 1927. Vol. 75. No. 5.
- Wortley B. Expropriation in Public International Law. Cambridge, 1959.
- Вахрамеев А. В. Очерки истории советской внешней политики (1917—1991 гг.). М., 2007.
- Иванян Э. А. История США: пособие для вузов. М., 2004.
- Лабин Д. К., Соловьева А. В. О месте международного инвестиционного права в системе международного права // *Московский журнал международного права*. 2017. № 3.
- Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002.
- Лунц Л. А. Суд в Соединенных Штатах Америки на службе монополистического капитала. М., 1948.
- Мальков В. Рузвельт — Литвинов. Две встречи в Белом доме с интервалом в восемь лет // *Россия XXI*. 2013. № 5. (Актуальный архив).
- Международная правосубъектность. М., 1971. Гл. VI.
- Млечин Л. М. Министры иностранных дел. 1917—1949. Гл. 3. СПб., 2016.
- Москва—Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921—1941: сб. док.: в 3 т. Т. 2. 1929—1933. М., 2009.
- Наринский М. М., Васильева Н. Ю. М. М. Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком // *Известные дипломаты России: Министры иностранных дел — XX век / отв. ред. А. В. Торкунов; сост. А. В. Ревякин. М., 2007.*
- Печатнов В. О., Маныкин А. С. История внешней политики США. М., 2012.
- Россия и США: Экономические отношения. 1933—1941: сб. док. М., 2001.
- Севостьянов Г. Н. Москва — Вашингтон. На пути к признанию. 1918—1933. М., 2004.
- Советско-американские отношения. 1934—1939. М., 2003.
- Соловьева А. В. Новые подходы к реформе инвестиционного арбитража // *Московский журнал международного права*. 2019. № 1. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-27-39.

Фельдман Д. И. Признание государств в современном международном праве. Казань, 1965.

Шейнис З. С. Первые шаги дипломатической деятельности М. М. Литвинова // Новая и новейшая история. 1988. № 1.

Якубовский В. П. Воспоминания дипломата: [о дипломатической деятельности М. М. Литвинова] // Международная жизнь. 1992. № 11/12.

REFERENCES

Beale J. H. The Conflict of Laws. Vol. 2. New York, 1935. 2127 p.

Bennett E. M. Recognition of Russia: An American Foreign Policy Dilemma. Waltham, 1970. 226 p.

Bishop D. The Roosevelt—Litvinov Agreement: The American View. Syracuse, 1965. 297 p.

Bishop R. D., Crawford J., Reisman W. M. (eds.). Foreign Investment Disputes: Cases, Materials and Commentary. 2nd ed. Hague, 2005. 1348 p.

Citing Correspondence between His Majesty's Government and the French Government respecting the Anglo-Russian Trade Agreement, 1921.

Citing Correspondence between British and Russian Governments concerning Russia's Foreign Indebtedness // British and Foreign State Papers. 1921. Vol. 114. No. 380.

Clay H. J. Constitutional Law. Executive Powers. United States Rather Than Foreign Creditors Held Entitled Through Litvinov Assignment to Domestic Assets of Nationalized Russian Corporation. *Harvard Law Review*, 1942, vol. 55, no. 5, pp. 864—866.

Coyle J. F. The Treaty of Friendship, Commerce and Navigation in the Modern Era. *Columbia Journal of Transnational Law*, 2013, vol. 51, no. 2, pp. 302—357.

Dickinson E. D. The Case of Salimoff & Co. *American Journal of International Law*, 1933, vol. 27, no. 4. Pp. 743—747.

Diehl A. The Core Standard of International Investment Protection: Fair and Equitable Treatment. Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2012. 628 p.

Dodd W. International Relations and the Treaty Power. *American Journal of International Law*, 1944, vol. 30, no. 6, pp. 360—362.

Douglas Z., Pauwelyn J., Viñuales J. The Foundations of International Investment Law. Bringing theory into practice. Oxford, 2015. 586 p.

Dumberry P. The Formation and Identification of Rules of Customary International Law in International Investment Law. Cambridge, 2016. 496 p.

Effects in Private Litigation of Failure to Recognize New Foreign Governments. *University of Chicago Law Review*, 1951, vol. 19, no. 1, pp. 73—97.

Fel'dman D. I. The Recognition of States in Modern International Law. Kazan', 1965. 258 p. (In Russ.)

Friedman S. Expropriation in International Law. London, 1953. 236 p.

Gribble R. United States Recognition of Soviet Russia: 1917—1933 — Church and State Responses. *American Catholic Studies*, 2008, vol. 119, no. 4. Pp. 21—51.

Grotius H. The Freedom of the Seas (1608) Carnegie Endowment for International Peace. Ed. by J. B. Scott. Oxford, 1916. 188 p.

Haslam J. Stalin and Litvinov. In G. Gorodetsky (ed.). *Soviet Foreign Policy. 1917—1991: A Retrospective*. London, 1994. Pp. 55—62.

Henkin L. Foreign Affairs and the Constitution. New York, 1972. 535 p.

International Legal Capacity. Moscow, 1971. Pp. 7—23. (In Russ.)

Ivanyan E. A. The History of the USA. Moscow, 2004. 576 p. (In Russ.)

J. K. G. Extraterritorial Effect of Foreign Decrees and Seizures. *University of Pennsylvania Law Review and American Law Register*, 1940, vol. 88, no. 8, pp. 983-994

Jessup Ph.C. The Litvinov Assignment and the Pink Case. *American Journal of International Law*, 1942, vol. 31, no. 2, pp. 282—288.

Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Belmont Case. *American Journal of International Law*, 1937, vol. 36, no. 3, pp. 481—484.

Jessup Ph. C. The Litvinov Assignment and the Pink Case. *American Journal of International Law*, 1942, vol. 36, no. 2, pp. 282—288.

Johnson O. T. Jr., Gimblett J. From Gunboats to BITs: The Evolution of Modern International Investment Law. Ed. by Karl P. Sauvant. *Yearbook on International Investment Law & Policy* 2010—2011, 2012. Pp. 649—692.

Kammerhofer J. The Challenges of History in International Investment Law: A View From Legal Theory. Ed. by S. W. Schill, C. J. Tams, R. Hofmann. Frankfurt, 2018. Pp. 164—176.

Klimacek S. M. The President's Power to Exempt a Foreign Nation from Local Taxation. *Lawyer of the Americas*, 1983, vol. 14, no. 3, pp. 585—591.

Labin D. K., Solov'eva A. V. International Investment Law within the System of International Law. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2017, no. 3, pp. 40—51. (In Russ.)

Legislative Reference Service Report, Expropriation of American-owned property by foreign governments in the twentieth century. *International Legal Materials*, 1963, vol. 2, no. 6, pp. 1066—1110.

Lunts L. A. Course of Private International Law. Moscow, 2002. 1007 p. (In Russ.)

Lunts L. A. The US court at the service of monopolistic capital Moscow, 1948. 36 p. (In Russ.)

Mal'kov V. Roosevelt — Litvinov. Two encounters in the White House with an eight-year interval. *Russia XXI*, 2013, no. 5, pp. 164—183. (In Russ.)

Miles K. The Origins of International Investment Law: Empire, Environment, and the Safeguarding of Capital. Cambridge, 2013. 464 p.

- Mlechin L. M. Ministers of foreign affairs. 1917—1949. Chapter 3. St. Petersburg, 2016. 383 p. (In Russ.)
- Moscow—Washington politics and diplomacy of the Kremlin, 1921—1941. Vol. 2: 1929—1933. Moscow, 2009. 717 p. (In Russ.)
- Narinskiy M. M., Vasil'eva N. Yu. M. M. Litvinov — brilliant diplomat, a distinguished Commissar. *Famous Russian diplomats: Foreign Ministers — the twentieth century*. Ed. by A. V. Torkunov, A. V. Revyakin. Moscow, 2007. Pp. 179—227. (In Russ.)
- Nussbaum A. Arbitration between the Lena Goldfields Ltd. and the Soviet Government. *Cornell Law Review*, 1950, vol. 36, no. 1, pp. 31—53.
- Pechatnov V. O., Manykin A. S. The history of US foreign policy. Moscow, 2012. 672 p. (In Russ.)
- Phillips H. Maxim M. Litvinov and Soviet-American Relations, 1918—1946. *Woodrow Wilson International Center for Scholars*. 1996. 15 p.
- Rhodes B. D. A Prophet in the Russian Wilderness: The Mission of Consul Felix Cole at Archangel, 1917—1919. *Review of Politics*, 1984, vol. 46, no. 3, pp. 388—409.
- Richard C. J. The Shadow of a Plan: The Rationale behind Wilson's 1918 Siberian Intervention. *The Historian*, 1986, vol. 49, no. 1, pp. 64—84.
- Russia and the USA: Economic relations. 1933—1941. Moscow, 2001. 480 p. (In Russ.)
- Salacuse J. The Law of Investment Treaties. 2nd ed. Oxford, 2015. 528 p.
- Schill S. W. W(h)ither Fragmentation? On the Literature and Sociology of International Investment Law. *European Journal of International Law*, 2001, vol. 22, iss. 3, pp. 875—908.
- Schreuer C., Dolzer R. Principles of International Investment Law. Oxford, 2008. 433 p.
- Sevast'yanov G. N. Moscow — Washington. Towards the recognition 1918—1933. Moscow, 2004. 405 p. (In Russ.)
- Sheynis Z. S. The first steps in Litvinov's diplomacy. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1988, no. 1, pp. 152—169. (In Russ.)
- Solov'eva A. V. New Approaches to the Reform of Investor-State Dispute Settlement. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2019, no. 1. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-27—39. (In Russ.)
- Todd W. An Historical Analysis of the Function of the Minimum Standard of Treatment. Leiden, 2011. Pp. 335—381.
- Unterberger B. M. Woodrow Wilson and the Bolsheviks: The "Acid Test" of Soviet-American Relations. *Diplomatic History*, 1987, vol. 11, no. 2, pp. 71—91.
- US-Soviet relations. 1934—1939. Moscow, 2003. 797 p. (In Russ.)
- Vakhrameev A. V. Essays on the history of Soviet foreign policy (1917—1991). Moscow, 2007. 332 p. (In Russ.)
- Vattel E. de. The Law of Nations or Principles of Natural Law. Book 2. Chapter 8. London, 1797. Pp. 312—319.
- Wohl P. Nationalization of Banking Corporations in Russia. *University of Pennsylvania Law Review*, 1927, vol. 75, no. 5, pp. 385—410.
- Wortley B. Expropriation in Public International Law. Cambridge, 1959. 169 p.
- Yakubovskiy V. P. A Diplomat's Memoir: [on diplomatic service of M. M. Litvinov]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1992, no. 11/12, pp. 168—171. (In Russ.)